

Бурмо Д.¹ ©, 2021

Две Франции сквозь призму социальных движений

Аннотация. В настоящее время во Франции получили развитие два типа социальных движений, различающиеся как продвигаемыми идеями, так и используемыми методами. На фоне социального движения «желтых жилетов», в котором преобладают материальные требования, утверждается еще один тип движения, сосредоточенный главным образом на пропаганде ценностей и принципов «существования», таких как гендерные вопросы или вопросы ислама. Различия между социальными движениями выражаются в дифференцированном использовании средств борьбы. Движение «желтых жилетов» прежде всего полагается на свое физическое присутствие в публичном пространстве, а именно на улице, тогда как движения в поддержку ценностей ориентированы на присутствие в цифровом пространстве посредством социальных сетей. Эти различия влияют на способность движений добиваться поставленных целей. Социальные движения, ориентированные на нематериальные требования, согласуются с культурой и идеологией правящих элит (элитного блока) и без труда вписываются в повестку дня правительства. В свою очередь движения «периферийной Франции», такие как движение «желтых жилетов», находят слабый

¹ Даниэль Бурмо – заслуженный профессор Университета Бордо (daniel-bourmaud@yahoo.fr).

отклик в правящем классе и отстранены от разработки государственной политики.

Ключевые слова: *социальные движения, коллективное действие, мобилизация, идентичность, территории, сети, элитный блок, «периферийная Франция», «желтые жилеты».*

Социальные протесты, которые сотрясают Францию в последние годы, не перестают интриговать исследователей¹. Протестные движения именуются по-разному и преследуют различные цели: движение «желтых жилетов», «ночные бдения»², движение против строительства аэропорта в Нотр-Дам-де-Ланд, выступления представителей ЛГБТК³ сообщества, Объединение против исламофобии во Франции. Для одних наблюдателей эти выступления – проявление плюрализма, наполняющего демократию жизненными силами, для других – разрушение демократии. В общественных науках движения, возникшие в недрах социума, принято называть социальными движениями. Течение в социологии, основателем которого является Ален Турен, сконцентрировало внимание на изучении протестных движений. На протяжении полувека не прекращаются споры относительно природы этих движений и их значимости. Возникает вопрос: разве в условиях представительной демократии политические институты не должны в полной мере выражать различные социальные требования? Не являются ли парламент, политические партии, выборы оптимальными инструментами представительной демократии?

История свидетельствует, что начиная с XIX в. демократия сосуществует с социальными протестами, которые возникают и развиваются параллельно с политическими институтами. Массо-

¹ Мне уже приходилось писать на эту тему: [Бурмо, Лапина, 2019].

² «Ночные бдения», или «ночь на ногах» (*La nuit debout*) – массовое движение протеста в марте-июне 2016 г., направленное против законов о либерализации рынка труда, предложенных министром труда М. Эль-Хомри. – Прим. пер.

³ ЛГБТК – аббревиатура, которая означает сообщество гомосексуалов, бисексуалов, трансгендеров, интерсексуалов и асексуалов. Последняя буква «к» обозначает слово квир (Q), т.е. человека, который не вписывается в традиционные рамки сексуальной ориентации и гендерной идентичности. – Прим. пер.

вые протестные движения в виде уличных манифестаций или забастовок придают ритм социальной и политической жизни, нередко сотрясая основы политического режима. За период с 6 февраля 1934 г. вплоть до событий мая 1968 г. (не забывая о пужадистском движении 1956 г.) ни одной из трех последних Французских Республик не удалось избежать массовых движений протеста, которые порой угрожали их существованию. «Французская лихорадка»¹, о которой писал Мишель Винок, периодически, начиная с революции 1789 г., «нападает» на Францию, тем самым свидетельствуя, что механизм коллективных действий заложен в политике [Winock, 1986]. Действительно, социальные движения в значительной степени ориентируются на парламентские или внепарламентские политические силы, о чем свидетельствуют выдвигаемые ими идеи и требования. Так, вопросы условий и оплаты труда находятся в центре внимания левых политических партий, а связанные с природой политического режима, его легитимностью и критикой коррупции поднимаются некоторыми партиями правого спектра. В целом можно утверждать, что социальные движения и политическая активность взаимосвязаны.

Новый исторический этап в развитии социальных движений открылся в 1960-е годы. Коллективные протесты, которые принято называть «классическими», к этому времени стали затухать. Зато возникли новые социальные движения (НСД, Nouveaux Mouvements Sociaux, NMS), ставшие объектом изучения социологов. Этой теме посвящено большое количество работ, в которых говорится о глубинных сдвигах в современном обществе. Отныне социальная мобилизация отличается как своими целями, так и социальным составом участников. НСД прежде всего нацелены на изменение нравов (право на аборт, права женщин, права лиц нетрадиционной сексуальной ориентации), а также защиту природы и жизни (антиядерное движение; антимилитаристское движение, символом

¹ В оригинале «Лихорадка в шестиугольнике» (*La fièvre hexagonale*). Ссылаясь на географические очертания, Францию нередко называют «шестиугольником». – Прим. пер.

которого стали выступления на плато Ларзака¹; экологическое движение). Актеры НСД не принадлежат к миру физического труда, это не рабочие, крестьяне, ремесленники или коммерсанты, но представители средних классов, работающие по найму, чаще всего образованные и молодые.

Эта раздвоенность социальных движений свидетельствует о глубинных изменениях в современном обществе, которое все больше удаляется от эпохи модерности, зародившейся в век Просвещения, и движется в сторону постмодерна с присущим ему релятивизмом и представлением о непрерывной изменчивости действительности. Возникает соблазн перенести эту схему анализа на современное французское общество и рассматривать появившиеся в нем социальные движения вне исторического опыта как проявление постмодерна. Однако подобная интерпретация событий представляется упрощенной, поскольку она не отражает наличия двух форм коллективного протеста, которые сосуществуют в современном социуме. Сквозь призму социальных движений мы видим две страны: Францию «центра» и Францию «периферии». Две Франции, которые различаются самоидентификацией, формами социального протеста, отношением к политике. Складывается ситуация, при которой протестные движения еще больше углубляют существующие во французском обществе разломы, тем самым усиливая глобальный кризис представительной демократии.

Раскол на уровне идентичности: противостояние традиции и постмодерна

Современные социальные движения различаются, отражая существование двух Франций, которые живут рядом, но «не встречаются». Прежде всего речь идет о социальных движениях, в основе которых лежит социально-экономическая проблематика. Эти протесты – наследие социальных битв прошлого, связанных с индустриальной фазой развития капитализма. На протяжении последних 25 лет пространство социально-экономического протеста

¹ С 1971 по 1981 г. в Аквитании получило развитие гражданское движение протеста, направленное против расширения площади военного лагеря. В результате власти вынуждены были отказаться от этого проекта. – Прим. пер.

не прекращало сужаться. Начиная с 1995 г., когда во Франции прошли масштабные выступления против реформ, носящих имя премьер-министра Алена Жюппе¹, социально-экономические протесты пошли на спад. Попытки мобилизовать социальный протест против пенсионной реформы, предпринимавшиеся с 2003 г., не увенчались успехом, что свидетельствовало об ослаблении профсоюзных организаций. Правительство не отказалось от своих планов. Неспособность трудящихся противостоять неолиберальной политике, которая осуществляется во Франции с 1980-х годов, когда страна вступила в глобальную экономику, напрямую связана с упадком индустрии: доля промышленного производства в ВВП страны за последние 20 лет сократилась вдвое и сегодня представляет чуть более 10%.

Прошли те времена, когда рабочий класс представлял основную силу социальных движений. Крупные забастовки, массовые уличные шествия утратили свою актуальность. И даже такие символические выступления, как 1 мая, собирают небольшое число манифестантов. Тем не менее уход со сцены социальных сил, которые на протяжении длительного времени определяли ход истории, не ликвидировал протестный потенциал французского общества.

«Желтые жилеты», неожиданно появившиеся на социальной сцене, воскресили, если использовать выражение Жерома Сент Мари, образ «воображаемой классовой борьбы» [Sainte Marie, 2019]. На этот раз не рабочий класс возглавил движение протеста, но тем не менее в нем вновь утвердились представители мира труда. По своему составу движение было гетерогенным, а его представителей объединил протест против повышения цен на горючее, что и послужило причиной возникновения социального возмущения. В народном протесте нашли выражение проблемы самозанятых (торговцев, ремесленников, рестораторов, сельских хозяев) и лиц, работающих по найму (служащих частного и государственного секторов, в частности сотрудников больниц: медсестер, помощ-

¹ «План Жюппе» 1995 г. предполагал реформу системы социального обеспечения и пенсионную реформу. В результате массовых протестов властям Франции пришлось отказаться от задуманных реформ. – Прим. пер.

ников по уходу за больными). У одних есть собственные орудия труда, у других имеется лишь собственная рабочая сила, которую они продают, чтобы выживать. Но всех этих людей объединяет одно: они тяжело работают и имеют низкие доходы, что порождает у них глубокое чувство несправедливости. У «желтых жилетов» к материальным проблемам добавилось ощущение, что государство о них полностью забыло, а власть и элиты пренебрегают ими. «Природа зла» определена и названа, таким образом материализуется принцип оппозиционности, сформулированный А. Туреном, без чего социальное движение просто не существует [Touraine, 1978]. «Желтые жилеты» – «простые люди», отброшенные на периферию общественной жизни и не имеющие ничего общего с теми, кто находится наверху. Это «забытая» часть населения, оставленная теми, кто где-то очень далеко принимает решения. Париж, как считают протестующие, не только далек от них, он смотрит в другую сторону – в сторону иных социальных движений, которые, как многим кажется, формируют образ будущего.

Эти движения притягивают своей новизной. Их требования в большей степени моральные, чем материальные. Они выступают за структурирование общества вокруг ценностей, которые отныне рассматриваются как базовые. Свобода, возведенная в абсолют, является основой их требований. Именно свобода определяет их запросы и цементирует их единство. Три темы лежат в основе нового протестного движения.

Во-первых, это вопросы сексуальности, или, если использовать современную терминологию, гендерные вопросы. Эта тема объединяет сторонников «брака для всех», лиц, борющихся за право иметь ребенка с помощью медицинских технологий экстракорпорального (ЭКО) и суррогатного материнства и выступающих за право свободно выбирать пол независимо от природы. Аббревиатура ЛГБТК предполагает выход за рамки традиционного бинарного представления о сексуальности (мужское/женское), предполагая множественность вариантов. Это движение поддерживается очень активным неофеминистским движением, для которого патриархальные отношения несут в себе матрицу доминирования, рас-

пространяющегося на все сферы жизни. Осуждение патриархата является первоосновой всех битв за эмансипацию и освобождение.

Во-вторых, вопросы экологии, объединяющие выступления против ущерба, наносимого природе во всех его видах. Среди участников движения – экологи, ведущие решительную борьбу с климатическим потеплением, требующие отказа от ядерной энергетики, выступающие за сохранение биоразнообразия, т.е. отстаивающие идею разрыва с моделью общества, которое угрожает выживанию человека. Следует, как они считают, в противовес разрушительным практикам воспитывать в людях новое отношение к природе, освобожденное от всего того, что отдаляет человечество от «чистоты», которая нередко понимается ими как некая фантазия. Экологическое движение объединяет сторонников потребления биопродуктов, защитников животных, протестующих против причиняемого им насилия (в частности на бойне), а также тех, кто вообще не делает различия между живыми существами и полностью отказался от потребления мяса (в этом смысле веганы являются наиболее радикальным течением¹). К ним относятся противники вакцинирования и сторонники альтернативных видов транспорта (велосипед вместо автомобиля).

В-третьих, это вопрос отношения к Другому, идет ли речь об иностранцах и/или представителях другой расы. С 1980-х годов численный рост в составе населения представителей других национальностей открыл публичную дискуссию об их месте во французском обществе. Движение «Не трогай моего друга»² стало символом солидарности с той частью населения, которая рассматривается как униженная и «подверженная стигматизации». Оно явилось отправной точкой социальной мобилизации, которая со-

¹ Литературы, посвященной веганству как социальному движению, немало. Можно сослаться на статью «Веганство: Новое современное социальное движение?» (*Le Véganisme: un nouveau mouvement social contemporain?*). – *Mode of access* : <https://taranzn.wixsite.com/tpe2016/principe-de-totalite> (Date of access – 12.02.2021).

² В оригинале: «*Touche pas à mon pote*» – лозунг основанной в 1985 г. ассоциации «*SOS Racisme*», которая выступает за солидарность с иммигрантами, жертвами дискриминации. – Прим. пер.

храняется и поныне. Первичные мотивы выступлений выходцев из Северной Африки (во французском языке их именуют «*beurs*» (муж. р.) и «*beurettes*» (жен. р.)) ушли на второй план, а на передний план вышла обширная тематика, связанная с мультикультурализмом. В этом движении открытость в отношении *Другого* рассматривается как базовый принцип в восприятии иммиграции: любой иммигрант, идет ли речь об экономических иммигрантах или беженцах, имеет право быть принятым во Франции. Другой принцип относится к социокультурным явлениям. Сторонники движения в поддержку иммиграции полагают, что культурные различия – это общественная норма, а принимающая сторона не вправе навязывать свои культурные ценности вновь прибывшим и тем самым лишается культурных преимуществ. Более того, любые сомнения в правильности принципа «жизни без границ» рассматриваются ими как расизм. В этом смысле становится понятным враждебное отношение этого социального движения к критике религии, если речь идет о религии иммигрантов. В развернувшейся в настоящее время борьбе с исламофобией нашел отражение отказ от критики ислама, которая сторонниками движения воспринимается как «стигматизация» религии, а значит, является проявлением расизма. Антирасистская тема в ее радикальной интерпретации представляет белого человека как «привилегированное природой создание», а значит, его можно подозревать в расистском поведении. Парадоксально, но такое понимание антирасизма порождает расистское по своей сути утверждение о виновности белого человека, что способствовало радикализации протестных движений. К примеру, в государственном университете стали проводиться собрания, на которые вход «белым» был запрещен.

Перечисленные темы: сексуальность, экология, иммиграция – составляют основу разнородных, иногда антагонистических движений, таких, к примеру, как феминизм и неофеминизм. Есть движения, которые просто несовместимы, как это было в случае с выступлениями в поддержку «Брака для всех» и «Манифестациями

для всех»¹. Перечисленные темы не отражают всего спектра проблем, которые поднимаются новыми социальными движениями. Некоторые движения, такие как альтерглобализм, одновременно затрагивают несколько тем. Его сторонники, критикуя капиталистическую систему, сосредоточены на вопросах экологии, но их также волнуют социальные проблемы отношения к *Другому*.

Эти движения, невзирая на их разнообразие и причины появления, в большинстве своем выступают за формирование нового общества, в котором люди будут освобождены от подавляющей их власти и объединены в спонтанно возникающие сообщества по интересам. В этой логике государство рассматривается как враждебный субъект, который должен быть уничтожен, поскольку является производным от старого мира. В старом мире существуют национальные государства, в нем господствует принцип национального суверенитета, что противоречит установкам человека эпохи постмодерна, живущего «езде» и «нигде». Новые протестные движения носят глобальный характер, несут в себе идею *нового универсализма*, к которому может приобщиться любой человек. В этом случае противника легко идентифицировать: он – носитель традиции, квинтэссенцией которой являются нация и историческое наследие, противостоящие антропологической революции, которая разворачивается на наших глазах. Единство, пусть и относительное, этих социальных движений обеспечивается, с одной стороны, социальной гомогенностью участников, которые принадлежат к образованным и урбанизированным средним классам, а с другой – поддержкой общественного мнения.

В целом несходство между движением «желтых жилетов» и новыми социальными движениями эпохи постмодерна порождает взаимное непонимание и несовместимость.

Формы действия: территории и сети

Изучаемые социальные движения различаются по своей природе и причинам, которые привели к их возникновению. Они

¹ В оригинале: «*Mariage pour tous*» и «*Manif pour tous*» – массовые движения, развернувшиеся во Франции в 2013 г. в связи с обсуждением и принятием закона, разрешающего однополые браки. – Прим. пер.

также используют разные методы борьбы, и в данном случае основным социальным маркером является их отношение к улице. На протяжении всего XX в. социальные движения утверждались путем «захвата» публичного пространства – это был показатель их мощи. Соотношение сил между государством и массовым движением выражалось в способности протестующих вывести на улицу большое число сторонников. Именно поэтому такую большую роль играли манифестации. Они позволяли публично озвучить требования протестующих, тем более если демонстрантов было много. Мощь социального движения оценивалась «физически» в более или менее контролируемом противостоянии с государством. Рабочее движение превратило улицу в место своего существования. Забастовка никогда не ограничивалась стенами предприятия. Демонстрация позволяла объединить протесты, возникавшие на разных предприятиях и в учреждениях, которые до того были изолированы друг от друга. В свою очередь другие социальные движения копировали способы борьбы, впервые апробированные рабочими.

Массовое движение 1968 г. не имело бы того значения, которое оно приобрело, если бы студенты не вышли на улицу. В университетских аудиториях разворачивались дебаты, их участники спорили о преимуществах идей Маркса, Ленина и Маркузе. Но одновременно они готовили проведение уличных протестов. Каждый тогда понимал, что манифестация станет продолжением идейных споров и без нее невозможно достичь поставленных целей. Последующие выступления студентов и лицеистов по образу и подобию рабочего движения превратили улицу в символ протеста. До наших дней ни одно социальное движение не могло и не может существовать без самоутверждения в публичном пространстве, каковым является улица. Подсчет участников массовых выступлений подчеркивает важность количественных показателей. Численность протестующих является определяющим фактором, причем этот показатель важен как для протестующих, так и для представителей власти. В настоящее время наметился водораздел между теми социальными движениями, для которых «захват» публичного пространства остается важнейшим условием существова-

ния, и теми, для которых уличные выступления – это лишь одно из направлений действия, сиюминутное и сосуществующее с другими формами протеста. Отныне все социальные движения существуют в двух пространствах – физическом и виртуальном.

Физическое пространство определяет сам факт существования коллективного действия, поскольку все социальные движения разворачиваются в рамках определенной территории. «Желтые жилеты» превратили дорожные перекрестки в символ своего протеста. Еженедельные выступления упрочивали их постоянное и все более расширявшееся присутствие в публичном пространстве. Каждый человек, даже живущий в самом отдаленном уголке страны, видел людей в «желтых жилетах». Любое перемещение в пространстве неизбежно ведет к пересечению дорог, а это значит, что люди могли наблюдать действия протестующих, тем более что их одежда – желтые флуоресцентные жилеты, приковывала к себе внимание. Жилет – это символ труженика, который подвержен внешним рискам. В сочетании с местом проведения выступлений – перекрестком – этот внешний символ создал физический образ самого движения, который использовался протестующими в течение многих месяцев. Субботние и воскресные выступления представляли собой кульминационные моменты мобилизации, в десятки раз повышавшие мощь протеста. Именно благодаря физическому присутствию на улицах и дорогах «желтые жилеты» смогли заставить общественное мнение и власти считаться со своими требованиями. По крайней мере так было на первом этапе движения. Выступление 1 декабря 2018 г., в ходе которого была обезображена Триумфальная арка в Париже, вызвало всеобщее осуждение, но одновременно вынудило власти предложить политическое решение проблемы в виде проведения *Больших дебатов*. На втором этапе «желтые жилеты» утратили дивиденды, которые первоначально им принесли уличные выступления. Насилие и ущерб, причиненный массовыми выступлениями, привели к тому, что часть общества дистанцировалась от движения, которое вначале пользовалось поддержкой около двух третей французов.

Присутствие социального движения в публичном пространстве ведет к его признанию, независимо от того, о каком протест-

ном движении идет речь. Социальные движения эпохи постмодерна не являются исключением. Гей-парады, или, как их еще называют, «парады гордости», ежегодно проводятся с 1980-х годов. Объединяя акторов, которых волнует гендерная тематика (борьба с гомофобией, защита однополых браков, легализация медицинских технологий экстракорпорального оплодотворения), они вписываются в этот сценарий. Таким образом, социальный запрос, находящийся в центре общественных дискуссий, получает воплощение в уличном действии.

В последнее время появились движения в поддержку иммигрантов. Чтобы самоутвердиться, необходимо проявить себя. Если социальные акторы хотят показать различие между исламом и терроризмом, который порожден радикальным исламизмом, недостаточно создать Объединение против исламофобии, надо провести марш. Марш против исламофобии состоялся 10 ноября 2019 г.¹ Чтобы заявить о своих целях и в конечном счете добиться удовлетворения своих требований, защитники природы, выступавшие против строительства нового аэропорта в Нотр-Дам-де-Ланд, захватили всю территорию, на которой предполагалось развернуть строительство². Эта территория общей площадью в 1600 га стала не только зоной протеста, но местом, где проводился социальный эксперимент. Здесь создавалась модель альтернативного общества, возникла «самоуправляющаяся экономика» и, в частности, получило развитие экологическое сельское хозяйство. Кроме этого, между людьми устанавливались *подлинно демократические* социальные связи, которые, используя терминологию «задистов», отличались от «фиктивных» отношений, которые существуют в рамках представительной демократии.

¹ В 2020 г. Объединение против исламофобии во Франции было запрещено, так как организация вела пропаганду радикальных идей. – Прим. пер.

² Протестующие получили наименование «задисты» («*zadistes*» от французской аббревиатуры ZAD – *Zone d'Aménagement Différé*, что в переводе означает «зона отложенного планирования»). – Прим. пер.

Движение «Черный блок» («*Black bloc*»)¹, известное своей агрессивностью, также превратило улицу в пространство, где разворачиваются выступления его сторонников. Любая массовая акция используется ими, чтобы продемонстрировать свои методы борьбы, т.е. насильственные действия, без которых, на их взгляд, никакая революция невозможна. Столкновения с полицией, неизбежно возникающие вследствие их действий (разбитые витрины, ущерб общественному имуществу, поджог автомобилей), свидетельствуют, на взгляд сторонников движения, о репрессивном характере государственного аппарата.

Тем не менее эти социальные движения, которые за отсутствием другого наименования мы называем «движениями нового поколения», не ограничиваются уличными протестами. Отныне мобилизация происходит в виртуальном пространстве в социальных сетях. Завоевание этого пространства сегодня настолько важно, что ни одно социальное движение не может без этого обойтись. По сути, от успеха в этом направлении в значительной степени зависит будущее движения. И в этом плане борьба идет не на равных. Новые технологии становятся инструментом дискриминации. Каждое движение использует социальные сети как способ быстрого обмена информацией. Связь между отдельными дорожными перекрестками в движении «желтых жилетов» была постоянной, создав таким образом сеть, которая покрывала территорию всей страны. Изначально ограниченные выступления со временем распространились с невероятной для их организаторов скоростью. Тем самым изолированность, присущая вначале «желтым жилетам», была преодолена. Благодаря социальным сетям возникла виртуальная солидарность, и микрообъединения отдельных перекрестков включились в единое сообщество протестующих. Таким

¹ Движение «Черный блок» объединяет представителей радикальных ультралевых течений. Одеты во все черное, с закрытыми балаклавой лицами, что позволяет сохранять анонимность, они принимают участие в массовых выступлениях, нападают на государственные институты – отделения полиции, префектуры, административные здания, а также на учреждения, являющиеся для них символами глобального капитализма – отделения банков и ТНК, рестораны быстрого обслуживания. – Прим. пер.

образом, физическое присутствие на перекрестках и на улице продолжилось в коммуникационном пространстве, что способствовало развитию движения. Но, подчеркнем, без физического утверждения на территории движение «желтых жилетов» не существует. Движение приходит в упадок, после того как в результате беспорядков в ходе массовых выступлений происходит отток участников. По мере того как перекрестки на дорогах пустеют, движение «желтых жилетов» ослабевает.

Ничего подобного не происходит с движениями эпохи постмодерна. Если их появление связано с уличными выступлениями, то дальнейшее развитие напрямую зависит от владения и использования новейших средств коммуникации. Большинство этих движений создают виртуальную общность. Идеи, которые они отстаивают, быстро распространяются в социальных сетях, а новые технологии, такие как Facebook, Twitter, немедленно используются участниками, создавая мультипликационный эффект. Заметность новейших социальных движений в общественном пространстве объясняется их способностью «захватывать» цифровое пространство в не меньшей степени, чем пространство улицы. Идеи экологов и защитников гендерной тематики и без массовых выступлений распространяются, становятся все более популярными, свободно пересекают границы. Движение «Жизни чернокожих имеют значение» пересекло Атлантику и эхом отозвалось во Франции, где вспомнили дело Адама Траоре¹. Контексты событий, произошедших в США и Франции, различны, но благодаря магии социальных сетей возникает схожая идентичность. В результате по обе стороны Атлантического океана получило развитие единое протестное движение. Трансфер идей обеспечивается не только потому, что социальные сети облегчают коммуникацию. Они также подрыывают потребность самостоятельно мыслить, отныне главными становятся эмоции. У классических социальных протестов были разные основания, но они были «вписаны» в реальную жизнь тер-

¹ Адам Траоре – чернокожий француз погиб после задержания полицией в 2016 г., в память о нем летом 2020 г. во Франции были организованы массовые акции, проходившие на фоне массовых протестных акций в США, которые вспыхнули после гибели Джорджа Флойда в США.

риторий и выработывались в ходе обсуждений. В них рациональные доводы на равных сосуществовали с эмоциями. В социальных сетях на первый план выходят эмоции и лишь затем причины. Происходит глобализация новых социальных движений, и в транснациональном контексте с невероятной мощью выработываются новые вызовы, которые находят понимание и поддержку среди элит.

Отношение к политике : расходящиеся траектории

Различия социальных движений как в плане их идентичности, так и методов воздействия недостаточно для объяснения степени их влияния. Эти факторы – основания лишь для того, чтобы привлечь или, наоборот, не привлекать внимание руководителей страны к движению. Если воспользоваться идеями Сидни Тарроу, судьба социального движения напрямую связана со структурой политической системы, а также ценностями и идеями, которые пользуются популярностью в обществе [Tarrow, 1994]. Организованная таким образом политическая среда образует «структуру политических возможностей» и в значительной степени обуславливает наличие аудитории, которая поддерживает или не поддерживает общественное движение, определяя тем самым потенциал его влияния на государственную политику. Таким образом, дихотомия между современными социальными движениями усиливается до такой степени, что приводит к подлинной диссимметрии, тем более что структура политических возможностей в условиях глобализации меняется.

Происходит устаревание политических возможностей, которые существовали в рамках национального государства. Именно внутри него сложился французский *социальный договор*. Инициированный в годы Третьей республики, он утвердился после 1945 г. благодаря Национальному совету сопротивления, программа которого служила основой государственной политики в течение почти полувека. Этот договор очерчивал сферу общественных отношений, которые определялись базовыми республиканскими принципами, выражением и гарантом которых выступало государство. Социальные движения находили свое место внутри этой

структуры. Они укрепляли свою легитимность, поскольку политическая система базировалась на политических институтах, включавших участников социальных движений в широкий «социальный диалог». Социальные всплески в те моменты, когда диалог прерывался, заканчивались возвращением к так называемому столу переговоров. Наиболее ярким тому примером являются Гренельские соглашения, заключенные после «революции» мая 1968 г. Такой подход связывал общественные запросы с вниманием, которое вынуждены были проявлять к ним правители. «Переход к политическим методам решения проблем», правда, осуществлялся не без напряжения, но был действенным, поскольку оба субъекта – государство и социальные движения – вписывались в единую программу действий. Существующая в настоящее время «структура политических возможностей» далека от ушедшей в прошлое модели отношений. Национальное государство ослаблено, внутри французского общества велик раскол между «Францией верхов» и «периферийной Францией», о которой писал Кристоф Гиллюи [Guilluy, 2014]¹. Существующий раскол позволяет понять разницу в судьбах социальных движений во Франции.

«Желтые жилеты» после того страха, который они вызывали на первых этапах мобилизации, постепенно утратили влияние, которое, казалось, они могли оказать на государство. Разумеется, по инициативе главы государства был проведен большой национальный диалог. Однако этот диалог был быстро «перенастроен» в президентский монолог, по большей части лишая требования «желтых жилетов» их содержания. Уход со сцены «желтых жилетов» объясняется прежде всего антагонизмом между причинами их мобилизации и структурой политических возможностей. Социология этого движения была антиподом тому, что дорого Франции «верхов» и что она считает имеющим право на существование: сельские и полугородские окраины – против мегаполисов; привязанность к территории – против мобильности; социальные классы

¹ Кстати, недавно он выпустил новую книгу под названием «Время простых людей. Как жалкие людишки превратились в героев» (*Le temps des gens ordinaires. Comment les déplorables sont devenus des héros.* – Paris: Flammarion, 2020).

старого мира – против образованных, молодых, «гибких», если использовать их собственную терминологию, представителей новых социальных классов.

Перед лицом людей «ниоткуда», «принадлежащих всему миру» и подчеркивающих свою постнациональную принадлежность, «желтые жилеты» приняли и своими телами отстояли статус людей «откуда-то», по терминологии Дэвида Гудхарта [Goodhart, 2019]. Поскольку у них был иной образ нового мира, чем у «элитного блока», они подписали себе приговор. Их недоверие к политике было непримиримым. Мощное движение вызвало интерес со стороны политических партий, которые, особенно левые и тем более крайне левые, никак не ожидали появления подобного протеста. Однако соблазн был недолгим. Социология левых решительно склоняется в сторону людей «ниоткуда», представляющих «элитный блок», так что неприязнь оказалась взаимной. «Желтые жилеты» упорно препятствовали любой форме политизации, в том числе и тогда, когда она исходила из их рядов. В их глазах всякое политическое действие дискредитировано и является синонимом предательства изначальной «чистоты» их дела. Отсюда и характерный для них «ацефальный популизм»: ни одна фигура, независимо от того, возникла ли она внутри движения или пришла извне, не могла претендовать на то, чтобы представлять их дело, не предавая его. Что касается фракций «элитного блока», которые хотели бы идентифицировать себя с бунтующим народом, то они быстро вернулись к своей идеологической неприязни к делу, которое не соответствовало их ценностям. Столкнувшись с двойной невозможностью – своей и элиты – получить доступ к принятию решений, «желтые жилеты» пополнили ряды неудачников, или *маргиналов истории*. В этом ряду есть еще одно движение. Речь идет о «Манифестации для всех» – движении, которое, несмотря на высокий уровень уличной мобилизации, не смогло повлиять на законы, против которых выступало. Правительства в годы президентства Ф. Олланда, а затем Э. Макрона постарались «обойти» это социальное движение, ограничив публичные дебаты вокруг законов о «браке для всех» и о предоставлении возможности экстракорпорального оплодотворения. Широкий резонанс, вызванный

этими социальными выступлениями в различных слоях общества, ни к чему не привел, поскольку «элитный блок» выступал как единая сила по всем этим вопросам. Как пишет Дуглас Мюррей, у элиты существует единство взглядов на все, что касается вопросов расы, пола, идентичности. Это единодушие во мнениях «избегает» размышлений и дебатов, что, по мнению автора, является «большим безрассудством» [Murray, 2020]. «Элитный блок», между прочим, вызывающий в памяти «исторический блок» Антонио Грамши, поддерживает разные движения – экологическое, неоминимистское, в защиту иммиграции, в поддержку борьбы с исламофобией. При всем различии эти движения взаимозаменяемы в рамках схожих представлений элиты о будущем. Таким образом, дисбаланс между социальными движениями обусловлен совпадением или несовпадением дела, которое они защищают, с системой ценностей «элитного блока». Руководителям скорее ближе требования, которые придерживаются прогрессистской философии. Главная сила этих концепций, в основном разделяемых правящим классом, проистекает из однородности СМИ, обслуживающих элитный блок. Общий настрой основных средств массовой информации, как печатных, так и аудиовизуальных, способствует утверждению видения, которое отныне практически возведено в доктрину. Профессия журналиста в значительной степени отождествляется с прогрессистскими представлениями. В настоящее время во Франции предприняты шаги, связанные с разработкой официальной доктрины, которая направляет редакционную политику государственных средств массовой информации (*Radio France* – Радио Франции и *France télévision* – Французского телевидения), а также связанных с ними компаний, производящих художественную продукцию (в частности, телефильмы и телесериалы). Разработана хартия, которая определяет темы, которые необходимо освещать и обсуждать. Частные средства массовой информации, за некоторым исключением, придерживаются в своей деятельности той же логики. Это приводит к различной интерпретации информации в зависимости от позиции социального движения и борьбе за гегемонию, которая охватывает абсолютно все информационные сферы. Отслеживание «фейковых новостей» возведено в ранг операции по

оздоровлению общества, хотя неясно, что именно относится к этой категории. Атмосфера нетерпимости все больше распространяется на то, что связано с выражением суждения или мнения. Контроль над представлениями таков, что можно говорить о распространении своего рода маккартизма в медиаинтеллектуальной сфере. Средствам массовой информации, вроде *CNews* или *SudRadio*, привечающим ведущих, которые считаются «не соответствующими» принятой линии (в частности, публицист Эрик Зеймур, расцениваемый хулителями как символ несогласных), предлагается «очистить» эфир от нежелательных «мыслителей». Даже в университете есть темы, о которых можно говорить и о которых говорить нельзя. В некоторых университетах проводятся мероприятия, которые безнаказанно пропагандируют нетерпимость по некоторым вопросам (например, проблеме борьбы коренных народов), из которых исключаются те, кто придерживается противоположного мнения.

Порой запрет на дебаты связан даже с физическим запугиванием, как это случилось в Университете Бордо-Монтень, который был вынужден отменить лекцию философа Сильвианы Агазинской¹, которую упрекали в критическом отношении к вопросам биоэтики. Сотрудник университета Жоффруа де Лагаснери даже получил в 2020 г. некоторую известность, выступая за исключение из публичных дебатов лженаучных мнений. Он считает верным любое предположение, подтвержденное критической социологией, на которую он ссылается (в логике исследований Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё). При таком прочтении плюрализм ограничивается утверждениями, которые эта новая «лысенковщина» освещает.

Возникновение резонанса за счет СМИ еще больше меняет структуру политических возможностей, поскольку социальные движения нового поколения осуществляют свою деятельность в глобальном масштабе. Выходя за границы национального государства, транснациональное движение пользуется повышенным вниманием. Узость национальных рамок, напротив, действует как

¹ *Выступление философа должно было состояться 24 октября 2019 г.*

препятствие, особенно на фоне «элитного блока», который отождествляет себя с постнациональным сообществом. Один из лидеров Социалистической партии недавно признался, что чувствует себя ближе к жителям Берлина или Нью-Йорка, чем к жителям французского департамента Крёз (Creuse).

Однако транснациональный эффект не ограничивается усилением видимости социальных движений, зародившихся в национальном пространстве. Соединение национального с транснациональным приводит к трансформации исходной идейной основы путем ассимиляции / импорта элементов, заимствованных извне. В этом взаимопроникновении содержится как стратегический расчет (показать, что дело, которое мы продвигаем, законно, поскольку аналогичная проблема существует и в другом месте), так и возможность упрочения собственной веры. Ведь идея, которую я защищаю, тем более справедлива, что другие люди в иной социально-культурной среде поддерживают ее. Коллективные выступления в области экологии являются тем действием, которое больше всего вписывается в логику переплетения национального / транснационального с центральной фигурой Греты Тунберг, возведенной в ранг иконы. Своей молодостью и невинностью шведская девочка-подросток придает борьбе за экологию чистоту, которая делает эту борьбу еще более убедительной. В области постматериалистических ценностей (антирасизм, гендер) наблюдается механический перенос ценностей без работы по их усвоению. Так, дело Джорджа Флойда импортируется во Францию путем идентификации / ассимиляции с американским движением «Жизни черных имеют значение» и накладывается на французское дело – дело Траоре. Это дело получает транснациональное распространение за счет номинирования его сестры Ассы Траоре в качестве победителя американского канала BET (*Black Entertainment Television*), который присуждает ей премию (*BET global good*) за борьбу с расизмом. Таким образом, транснациональный аспект представляет собой важнейшую составляющую в судьбе социальных движений, особенно в тех случаях, когда различные факты представляются взаимозаменяемыми.

* * *

Социальные движения, получившие развитие во французском обществе, неоднородны. Притом что они сформированы различными социальными слоями и культурами, их влияние, похоже, не зависит от первоначальной силы, которой они обладали. Другие внешние переменные, включая их связь с идеологией правящего класса, проливают свет на то место, которое эти движения могут занять в формировании государственной политики. Вот почему они представляют собой призму, через которую можно лучше увидеть и понять французское общество и его политическую систему.

Литература

Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов» : Взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. – М., 2019. – № 3. – С. 37-63.

Goodhart D. Les deux clans : La nouvelle fracture mondiale [The Road to Somewhere : The populist revolt and the future of politics] : Trad. de l'anglais. – Paris: Éd. Les Arènes, 2019. – 394 p.

Guilluy Ch. La France périphérique. Comment on a sacrifié les classes populaires. – Paris: Flammarion, 2014. – 185 p.

Murray D. La grande déraison : Race, genre, identité [The Madness of crowds : Gender, identity, morality] : Trad. de l'anglais.– Paris: L'artilleur, 2020. – 416 p.

Sainte Marie J. Le mouvement des Gilets jaunes a réveillé dans l'opinion un imaginaire de lutte de classes // Le Monde. – 2019. – 15.11.

Tarrow S. Power in Movement : Collective action, social movements and politics. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 265 p.

Touraine A. La Voix et le Regard. Sociologie des mouvements sociaux. – Paris : Le Seuil, 1978. – 320 p.

Winock M. La fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques de 1871 à 1968. – Paris : Calmann Lévy, 1986. – 428 p.

Перевод *Н.Ю. Лапиной*

Bourmaud D.¹ ©, 2021
**Two Frances through the prism
of social movements**

Abstract. *Two types of social movements characterized by the causes they advocate for and the means implemented, without fully excluding each other, are currently sweeping across France. Facing a category of social movement embodied primarily by the figure of the «Gilets jaunes» whose material claims dominate, another type of movement is gaining strength focusing mainly on promoting principles that fall more under values and «vivre ensemble» (living together), such as gender issues and those concerning Islam. These differences translate into a differentiated use of the means of struggle. The former primarily rely on their physical presence in the streets and the latter on their pervasiveness in cyberspace through social media. This divergence affects their ability to make their goals prevail. Social movements prioritizing non-material causes aligned with the ruling elite's – the elite bloc – culture and ideology manage easily to place their actions on the Government's agenda. However, the movements of «peripheral France» such as the «Gilets Jaunes» find a faint echo among the ruling class and are marginalized in terms of public policy-making.*

Keywords: *Social movements, collective action, mobilisation, identity, networks, elitebloc, «peripheral France», «yellow jerseys» (Gilets jaunes).*

References

Bourmaud D., Lapina N.Yu. (2019). Movement of «yellow vests»: View from Russia and France [*Dvizhenie «zheltykh zhiletov»: Vzglyad iz Rossii i Frantsii*] // *Russia and the contemporary world*. – N 3. – P. 37–63.

Goodhart D. (2019). *Les deux clans : La nouvelle fracture mondiale [The Road to Somewhere: The populist revolt and the future of politics]* : Trad. de l'anglais. – Paris: Éd. Les Arènes. – 394 p.

Guilluy Ch. (2014). *La France périphérique. Comment on a sacrifié les classes populaires*. – Paris: Flammarion. – 185 p.

¹Daniel Bourmaud – emeritus professor at the University of Bordeaux (daniel-bourmaud@yahoo.fr).

Murray D. (2020). La grande déraison : Race, genre, identité [The Madness of crowds: Gender, identity, morality] : Trad. de l'anglais.- Paris: L'artilleur. - 416 p.

Sainte Marie J. (2019). Le mouvement des Gilets jaunes a réveillé dans l'opinion un imaginaire de lutte de classes // Le Monde. - 15.11.

Tarrow S. (1994). Power in Movement : Collective action, social movements and politics. - Cambridge : Cambridge Univ. Press. - 265 p.

Touraine A. (1978). La Voix et le Regard. Sociologie des mouvements sociaux. - Paris : Le Seuil. - 320 p.

Winock M. (1986). La fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques de 1871 à 1968. - Paris : Calmann Lévy. - 428 p.